

18+

МАРИЯ ЧУГУНОВА
МЁРТВЫЙ ЛЕС

Мария Чугунова

Мёртвый лес

«Издательские решения»

Чугунова М. Д.

Мёртвый лес / М. Д. Чугунова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513632-9

Хоресс Артур — двенадцатилетний сирота. Никому не пожелаешь такой участи. Однажды ему улыбнулась удача, и его встретили два на первый взгляд прекрасных человека — Терри Эдгар и Терри Хелен. Молодая парочка решила усыновить Артура. Но радость длилась недолго. Бедный Артур даже не подозревал, что хотят с ним сделать его новые родители...

ISBN 978-5-00-513632-9

© Чугунова М. Д.
© Издательские решения

Мёртвый лес

Мария Дмитриевна Чугунова

© Мария Дмитриевна Чугунова, 2020

ISBN 978-5-0051-3632-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь в детдоме.

Последний лист упал с единственного дерева, видимого через грязное окно старого детдома. Детдом то старый, а Хорн Артуру, смотрящему на дерево через грязное окно, всего 12 лет. Грусть блестела на его молоденьком милом личике, естественно личико милое, ведь Артур пока не ел вредной еды, и не пил алкоголь, да прочую химию. Но в бар зайти бы он не отказался, чтобы заглушить стаканом фальшивого пива для скота – обволакивающий, как нефть, стон печали. Эти крики были такими же шокирующими, как и антенна для неопытного электрика, а таких было много в этом городе, может быть поэтому Артур и не мог отвлечься от тоски с помощью электро-радио, что подключается к розетке, но в случае Артура – он бы скорее вставил пальцы в розетку, нежели шнур. И действительно Артур смотрел на безлистное дерево, гоготанье уныния сильнее всяких детских желаний и капризов, коих было много у других спиногрызов. Здравый ум воспитательницы отравляли именно эти ребяческие фантазии, а сформировавшееся стереотипы несчастной воспитательницы обрушивались на апатичного Артура. Детишки жили по расписанию, как в армии, похода в которую не добивались радикальные феминистки. Утром дети встают, учитывая то что большую часть ночи некоторые не спят. Потом умываются грязной водой, сантехники имели такое же образование, как и электрики. И по иронии почему-то Артур только грустит, будто в их похлёбку на завтрак наливали эликсир радости, то есть в эликсире радости пять процентов, семьдесят процентов пофигизма, а двадцать пять процентов вещества, ускоряющие наступление мятого лица. Скорее, Артур был готов выбрать анорексию, чем мятое лицо взамен милому личику. И несмотря на отвратный вкус – другие ребята причиняли боль своим вкусовым рецепторам, что бы хоть как-то не быть похожими на-скелетов, завистливо смотрящим на толстое животище воспитательницы. И пусть Артур был скелетом, но на её живот не смотрел, в знак оскорбления для воспитательницы он смотрел в окно, будто просмотр дерева интереснее, чем взгляд на новую причёску в дорогой раскрученной парикмахерской за «смешные цены». Артур иногда даже хотел пошутить про дом для мышей на голове у воспитательницы, но сериал на телике «грязное стекло» под названием «дерево без листьев» куда важнее посмотреть. Может дерево подстригли именно в той парикмахерской куда ходила воспитательница на последние деньги, это было пощадой для детей скелетов, ведь месяц голодовки и красивой причёски сделали бы брюхо воспитательницы более милосердным. Вечерами Артур обычно смотрел в зеркало и исходя из своей внешности пытался нарисовать своих родителей. Только не понятно у кого из них чёрные волосы, только у Артура они скорее тёмно-угольные, то есть чёрные во 2 степени. Про свойство степеней Артур слышал у старших девочек. Наверное, всё-таки у обоих чёрные волосы. А какой длины? У самого Артура волосы вытянуты вверх под прямым углом, слух и навыки шпиона, а также умение подглядывать за девчонками – дают плоды, в его случае знание точных наук. Длина волос Артура – средняя, во время подглядывания девочки говорили, что Артур сын воспитательницы, у них были очень похожие шевелюры. Может мать Артура – это воспитательница, но у неё нос картофельный, а у Артура это был скорее Тетраэдр, геометрию Артур тоже подслушал. А если внешность у него была отцовская, то характер должен был пойти

в маму. Истеричный и шуточный архетип воспитательницы – никак не походил на застенчивость и задумчивость Артура. Девочки во время шпионских рейдов Артура говорили, что он страдает Аутизмом. Психологию Артур подчерпнул из рассказов девочек. Синдром аутизма они описали правильно, но Артуру диагноз они поставили неправильный. «Может у них раздвоение личности?» Подумал про себя Артур, и тут же высоко оценил свою шутку, жаль некому было сказать. На самом деле люди в этом месте ставили – клеймо психа – на человека, который чуть отличался от них. Они и не разбирались было ли это психологическое расстройство или черта характера, возможно для них это было одно и то же, а клеймо себе они не ставили, ведь даже нормального характера не имели. Ну или возможно их характера не видел только Артур, ведь он даже темперамент безлистного дерева не знал, хоть и смотрел на него по несколько часов в день. 11 Летняя девчушка по имени Джесси – решила освежить привычную для Артура мрачную обстановку. Она поставила пластинку в проигрыватель. Симфонический радостный рёв рушил всякое желание продолжать смотреть на это дерево. Артур встал. Джессика удивилась – ведь Артур крайне редко проделывал этот ритуал, только когда приходило время размять кости, кои были единственными составляющими его маленького и низкого тела. Даже говорить ничего не стал, решил не смешивать свой прекрасный ангельский голосок с хрипом старого проигрывателя. Он вынул пластинку из проигрывателя, после этого говорить Артур так же не решался, подумал взгляда будет достаточно, Джесси явно до этого момента не знала, как можно напугать взглядом. Вернее, Джесси догадывалась об этом, когда воспитательница смотрела на неё. Джесси показалось что воспитательница своими глазами высасывает жизненные силы или жизненную энергию. Джесси не понимала значений этих словосочетаний. Теперь благодаря Артуру – воспитательница точно заберёт ауру у Джесси, одним простым осмотром её коротеньких, кудрявых и рыжих волосёнок. А чёрные глазки бусинки Джесси – будут каждый раз отворачиваться при этой любимой процедуры воспитательницы. Возможно из всех ребят только Артур мог спокойно воспитательнице смотреть в глаза, пока остальные смотрят на её кожу, покрывающую кишечник. Смотреть на дерево – заменяло сон для Артура. Он спал ночью мало, то есть его сон скорее смешивался с реальностью – это состояние перед сном, которое имеется у каждого нормального человека, но абсолютно нормальных людей даже Джесси не видала, по этому Артур находился ночью в таком состоянии мало. Такой биологический фактор никак ночью не восстанавливал силы Артуру, он был скорее, как взгляд воспитательницы для Джесси, только сил отбирал больше. Во время того, как Артур смотрел в глаза воспитательницы, у него силы конечно отнимались, от такого у любого храбреца энергия отнимется, только вот отнималось её крайне мало, и в совокупности с осмотром на дерево – сил у Артура было более чем достаточно. Иногда таким образом он обращал на себя внимание других ребят, Артур тогда выпрямлял свой хрупкий хребет, наполнял лёгкие пыльным воздухом, если были солнечные лучи можно было заметить пылинки в воздухе, это даже удавалось, когда был обычный тусклый оранжевый свет. Из-за света слабых лампочек, с криво проходящими проводами, у Артура изменилось зрение, именно в таком еле светлом тусклом мраке он лучше всего видел, дети что недавно здесь появились могли гулять на улице, а Артур не мог, пусть солнца не было, но свет был достаточно ярким что бы причинять боль его глазным яблокам, такую же боль как и страдание, причиняемые вкусовым рецепторам, во время приёма пищи. Еда была будто специально отбивающей желание ребятам стать поварами, мало-того что они не станут электриками или сантехниками, они также поварами даже не станут. На завтрак у них была манная каша, то есть не каша, а густая похлёбка, больше она была похожа на слизь, и было ощущение если проглотить – то заболеешь от страшной болезни, скажем тело начнёт покрываться кластерными отверстиями, из которых сочится кровь, при чём кровь будет смешана с этой слизью. На обед почти такого же вида пюре, с мясом, мясо было похоже на расплавленную резину, только резина была вкуснее. На ужин суп, вернее просто кипячая грязная вода, большие куски лука, и немного курицы, курица похоже при жизни страдала

от болезни, которая наступает от приёма манной каши, но детей пожалели – ведь большая часть супа состояла из лука. Обычно Артур ничего не ел, он надеялся, что приедут взрослые и принесут чего-нибудь вкусенького, такое иногда случалось, но с каждым месяцем число таких посещений понижалось. А ведь раньше, пару лет назад Артуру вообще не приходилось есть такую гадкую еду, почти каждый день к ним приходили добрые люди, дарили шоколадки, тортики, только Артуру постепенно надоедало что дают только сладости, ему казалось взрослые считают, что дети способны потреблять в пищу только сладости, и ничего больше, в такие моменты он обычно говорил:

– Дайте нам нормальной еды! Артур думал, что еда бывает нормальной, в отличии от людей. Да даже воспитательница была нормальной в сравнении с этими шедеврами кулинарии. Артур пользовался тем что во время приёма пищи – воспитательница обычно смотрит на Джесси, Джесси приходится страдать, но за то Артур успевает подобраться к мусорному баку и выкинуть это «превосходную» пищу. Потом он садился на место, точнее за столик, сделанный из безлистных деревьев, на пару с таким же стульчиком, и гордо смотрел на воспитательницу, в надежде поймать взаимный взгляд. Воспитательница в такие моменты смотрела на него, дивилась что хоть кто-то оценил работу горе поваров, эти повара возможно тоже ели когда-то эти кушанья. Только одно удивляло воспитательницу – почему Артур всё съедает, при этом худее всех скелетов? Она каждый раз подходила, и спрашивала:

– Почему ты такой худой, моё дитя? Артур тогда делал цирковую улыбочку, будто знал, что если будет выдавать в себе подозрения – то и не вызовет никаких подозрений, и после уже говорил:

– У меня просто быстрый метаболизм! Вот и всё!

Дальше воспитательница старалась разглядеть подвох, только не выставленный на показ Артуром, а настоящий, она будто знала его схему. Но так ничего не найдя, она уходила горда, говоря мыслями на прощание «Скоро я раскрою твою тайну, Артур...» Обычно воспитательница так и не раскрывала эту тайну. Кроме подглядываний на дерево и попыток установить внешность родителей – у Артура было ещё одно занятие – рисовать дерево, и разговаривать с деревом, обычно он говорил дереву:

– Знаешь, у нас похожая жизнь, ты стоишь целый день, а я целый день тут сижу. Дерево покачало ветками. -Жаль, что ты не можешь общаться на моём языке, я знаю, что ты живое, правда уже старое, без листвы, но мы друзья, мы не бросим друг друга...

Джесси, когда видела эту картину словно манную кашу проглотила, так же взрывалась и бледнела, ей было обидно что на неё никто не обращает внимания, и именно в такие моменты включала старые и поломанные пластинки в проигрыватель, и они издавали ужасный звук. Он встал так же резко, как и в тот раз, когда смотрел на дерево, и послышались эти аккорды скрипов. И так же молча, подошёл и вынул пластинку, только на этот раз даже не смотрел на Джесси. Она хотела что-то сказать, однако поняла, что человеку общающемся с деревом не по нраву слова других людей. Тогда она стала рисовать, рисовать дом и семью которую хочет. Артуру стало интересно, всё-таки говорить с деревом и смотреть на него можно было утром, а скоро время обеда, на обед он решил не ходить, а на вечер была запланирована шпионская разведка 11 летних девчонок. Он, посвистывая, что бы не были слышны шаги – подошёл к Джесси, только для неё свист был такой же противный, как и для Артура её симфония. Но когда он наклонился и посмотрел её рисунок – то перестал свистеть. Опять шёпот грусти, без семьи он, без друзей. Артур одиноко смотрел на рисунок Джесси, она продолжала его докрашивать яркими цветами, пусть хоть на картинке будут яркие цвета, ведь за окном серо, облачно, впрочем, как и всегда, лишь изредка солнце летом веселило, да и то, не всегда. Он сел рядом с ней, на жёсткую кровать, послышался скрип ржавых пружин. Она обратила на это своё ничего не стоящее внимание. Артур перевёл взгляд на пол, на кривой, поломанный пол, серого цвета. Затем посмотрел на белую простынь, покрытую пылью. Дальше Артур

смотрел на сломанные, металлические бортики кроваток. Потом на бежевые порванные обои с белыми цветами. Его осмотр завершился наблюдением за потолком, в углах потолка была паутина, сам потолок был с серыми пятнами. Позже дверь открылась, зашёл маленький толстенький мальчик, имеющий русые волосы. Дверь была тоже не в лучшем состоянии, она была сделана из ели, если её не аккуратно открыть можно подцепить занозу. Артур думал почему он раньше не обращал внимание на их комнату, именно комната принадлежала им, а не только ему одному, и Джесси хочет семью не только что бы о ней заботились, но то что бы и были люди достойные её заботы. Артур не знал, как её поддержать, можно было лишь включить сломанную пластинку в старый проигрыватель, он это сделал. Пусть мелодия была не самого высокого качества, но она внушала надежду, даже грустная, и спокойная приносила радость. Артур задумался о семье, вдруг придут взрослые, а его – такого задумчивого и грустного мальчика не возьмут. Правильно не возьмут, они возьмут какого-нибудь крикуна, что бы их веселил как в цирке. А Артура, умное дитя никто из взрослых не возьмёт, может быть поэтому дети и предпочитают глупеть. Артур сказал Джесси на ушко:

– Вечером пойдём подглядывать за девчонками?

Она улыбнулась и ответила:

– Да!

Днём Джесси всё равно пришлось бы пойти на обед, так как почти всё время воспитательница наблюдает за ней, а если её не будет она это тоже заметит. Артур тогда решил пойти с ней, при чём сделал этот выбор в последний момент, когда она выходила из комнаты. Похоже воспитательнице надоело смотреть на Джесси, главным подозреваемым конечно был Артур. Она начала смотреть на него. Джесси воспользовалась этим. Быстрым и еле слышным шагом Джесси подобралась к мусорному баку, в него она выкинула пюре и мясо. Так же тихо вернулась обратно. Сам Артур начал есть склизкое пюре, заедая резиновым мясом. Но со стаканом воды всё же он смог съесть это кушанье. После обеда они вернулись в комнату. Джесси хитро глядела на него, он немного догадывался что это из-за смены ролей. Она похлопала Артура по плечу. Они уселись на кровать и рисовали. Сперва Артур хотел сделать рисунок дерева, но заметил, что Джесси рисовала его портрет. Тогда он уверенно взял простой карандаш и сказал Джесси:

– Не двигайся!

Некоторые линии были странные, так как Артур почти всегда рисовал деревья, лишь изредка пытаясь воссоздать внешность биологических родителей. Однако у него получался свой стиль рисунка. Это было изогнутое изображение человека, с шеей похожим на ствол дерева, и волосами похожими на крону дерева. Только эту крону заполняли рыжие волосы Джесси. Полностью чёрные глаза имели блик на рисунке Артура. Так же были видны вместе с плечами – лямки джинсового комбинезона. Её голова была повернута вправо и немного вниз. Он показал портрет Джесси. Она сказала:

– Красиво у тебя получилось! Он гордо поднял подбородок и сказал:

– Покажи теперь свой рисунок! Она показала ему изображение. На рисунке был виден мальчик, с прямыми чёрными волосами. Он был в лимона-коричневой куртке. Глаза были карими без блика, что придавало загадочности его взгляду, пусть даже он смотрел прямо. Держался он гордо, смотрел вперёд, туловище было подвинуто в сторону. Кожа бледноватая, гладкая. Нос был треугольником, гладко присоединённым к плоскому лицу. Подбородок имел такую же треугольную и острую форму. Самым странным показалось Артуру что его портрет улыбался, хотя он почти никогда не улыбался.

– Красиво... – Тихо и грустно прошептал Артур.

Артур чувствовал себя виноватым, из-за неумения улыбаться Джесси. Они рисовали, пока не наступил вечер. До ужина ещё оставался час, но на улице было уже плохо видно. Артур попытался с улыбкой сказать Джесси:

– Ну что! Пойдём подглядывать! -Давай! – Крикнула она, точно всю жизнь ждала этого мгновения.

Они подходили к двери, слегка приоткрыли и начали смотреть в щель. На этот раз девочки обсуждали моду, это было не так интересно, как математика. Присутствие Джесси для Артура ободряло эту скучную обстановку. Пусть это был её первый рейд, но она держалась тихо, иногда еле слышно похихикивая. Артур улыбался искренне, на этот раз. Немного было обидно Артуру, всё-таки Джесси шпионила лучше его, хотя делала это в первый раз. Одно успокаивала его, ведь Джесси была с ним, и могла научить его правильному шпионству. Артур, не сдержавшись от радости, засмеялся тонким слегка психопатическим голосом. Это был смех свободы. Смех давал волю его скованным чувствам, и даже чёрствая грусть смогла вновь объявиться, даже без причины. Девочки слышали оркестр смеха, и яростно словно вороны прогнали друзей... Они бежали по лестнице. Джесси тоже начала смеяться, вернее она смеялась и тогда, просто сейчас смех был громче. Они остановились на промежуточном этаже. С их вида лестница слева вела вниз, а лестница справа вела наверх. Стены были бирюзовыми, а их верхняя часть была белой. Под окном находилась белая батарея, она была на удивление чистой и тёплой. Бортики лестниц были почти сплошными, оставляя между собой маленькие щёлочки, они также были бирюзовыми. сами лестницы были белыми и матовыми. Это было похоже на лестницу в больнице или поликлинике. Артур и Джесси стали смотреть в окно, было темно, светились белые фонари. Эта была обратная сторона детдома, и из этого окна виднелась улица. Там находилась дорога, магазины дома. Люди проходили, они выглядели уставшими и омрачёнными. Эти люди навивали тоску сильнее чем умирающее дерево без листвы, хотя бы потому что некоторые из этих людей по виду тоже были умирающими. Артур и Джесси Забыли, что несколько минут назад смеялись, как раньше они не смотрели в это окно... Артур печально спросил Джесси, в надежде что она знает ответ на его вопрос:

– Как думаешь, Джесси, когда мы вырастем – то тоже станем идти в потоке непонятно куда, с таким мёртвым видом?

– Наверно Артур, – Ответила Джесси. – Ведь эти печальные взрослые рассказывали нам про своё счастливое детство, а потом стали такими. Мы тоже такими станем...

– А вдруг уже становимся?

После этой фразы Артура – они замолчали... Когда дети пришли в свою комнату – то легли, и не разговаривали. Из-за знания того что они состарятся – дети грустили. Тогда похоже радующиеся дети никогда не думали об этом. Артура и Джесси просто никто не поймёт, лишь они способны между собой переговариваться, и то, сейчас им этого не хотелось. На следующий день к ним приехала женатая пара – Терри Эдгар и Терри Хелен. Как оказалось, они ищут себе ребёнка для усыновления или удочерения. Они приносят сладости и игрушки. Пока дети с ними разговаривают – Артур и Джесси сидят в углу, не разговаривают. Эдгар был мужчиной среднего роста, с каштановыми короткими волосами и бородой. У него на весёлом лице находились близкорасположенные карие глаза. В целом Эдгар чем-то напоминал Артура, только не характером. Хелен была высокой женщиной, в карие-белом платье. У неё были чёрные волосы, заплетённые в пучок, как у балерины. Глаза у неё были ярко-зелёные, как у кошки. Они заметили Артура, стали веселить его и играть с ним. По началу он сохранял серьёзный вид, однако из-за кривляний Эдгара засмеялся ласковым смехом. Потом Джесси тоже начала смеяться. Игрушки они оставили, когда уезжали. Дети не хотели с ними расставаться, воспитательница быстро отцепила ребят от женатой пары. Среди игрушек Артур себе выбрал плюшевого медвежонка, с чёрными пуговками и белым мехом, с голубой ленточкой. А Джесси взяла себе бронтозавра с длинной и зелёной шеей, и большим туловищем, с милой острой мордочкой. На следующий день пара снова пришла, принесла торт. Торт белый с бежевыми цветочками, как оказалось из крема брюле. Сам торт на вкус оказался пломбирным. Взрослые и дети

выпили чаю. Жаль, что рано ушли. Хелен и Эдгар говорили, что у них дела. На следующий день когда они приехали – воспитательница сказала уже наконец-то выбрать ребёнка...

Новые родители.

– Ну, привет Артур! – Сказал Эдгар, когда зашёл к нему в комнату.

При чём дверь он открыл аккуратно, словно уже знал о возможных занозах. Артур явно хотел привлечь к себе внимание, ненормальным для крикливых детишек своим поведением. Дерево было старым, Артуру показалось что оно только вчера выглядело ещё ничего, а сейчас это мёртвый кусок древесины. Он никому не говорил, что считает постаревшее дерево куском древесины, все это бы восприняли как невежливость, возможно более невежливым фактором для Артура – было безразличие к этому самому куску древесины. Когда ветер протискался меж трещин старого дерева, становился слышен скрип. Скрип напоминал скрип двери в больнице – когда пациент лежит на койке, никому ненужный, а врач, не собираясь его лечить, закрывает дверь, закрывая жизнь. Только вот несколько раз этот пациент бы точно не умер, а эти скрипы были слышны с определённой очерёдностью, лишь иногда количество скрипов замедлялось. И когда ветер бушевал, щекоча безлистные ветки дерева, то количество скрипов в минуту начало разрастаться. Возможно это послание сигнала, на военном шифре, жаль разобрать Артур его не мог. И в надежде понять это дерево, как малыш начинает понимать этот мир, Артур всё смотрел на него. Неумолимое тиканье затихало перед этим глухим скрипом. Дереву явно хотелось заглушить мысль в потоке сознания юного мальчика – что он вырастет и будет таким, как оно – дерево скрипящее, шевелящее своими ветками. И пусть дерево отличалось от своих товарищей с зелеными листьями – внимание на это дерево всё равно никто не обращал. Все лишь проходили мимо, считали деревянного обычным старым деревом. И они даже не подозревали, что слышали скрип мёртвого дерева во время громкого и такого бессмысленного тиканья часов. Артур ведь тоже отличался от своих дружков, такой же тихий, апатичный, и нету разницы есть он или нет. А тот факт, что он смотрит на такое же одинокое дерево что и он сам – навивали на Артура мысли. И эти мысли вместе со скрипом полностью глушили тиканье даже самых громких во всём бесконечном пространстве часов. А зачем вообще часы людям? Самая полезная функция у них – это посмотреть сколько времени сбегало прочь, пока они шли меж молодых и красивых деревьев. Артуру уже не надо было смотреть на часы, ведь было понятно, что с каждым скрипом времени становится всё меньше. Так он смотрел несколько часов на дерево, пропустив ненужный завтрак. Дерево поскрипывало ему своими нотками безысходности. И каждую ночь дерево тянулось ветками к его окну. Именно, окно принадлежало Артуру, он единственный человек, что пользовался окном. Даже верная подружка Джесси не вызвала никаких чувств. Она с ним перестала говорить, лишь мешала его одиночеству. Эдгар подошёл поближе, наивно пытаясь поддержать и всё-таки он знал, что это бесполезно в данной ситуации, просто надо было оправдать его предсказуемость. Эдгар сказал, пытаясь даже как-то обнять Артура:

– Не грусти, малыш, мы всё сделаем что бы у тебя было хорошее настроение. Он не пояснил что хорошее настроение бессмыслица та ещё, просто гораздо бессмысленнее печали. Но тем не менее он это сказал не совсем так как ожидал Артур. Во-первых у Артура возникло чувство дежавю, и он даже частично помнил, что после этой фразы как-то забеспокоится и начнёт внимательней разглядывать дерево. Во-вторых Эдгар это говорил, будучи уверенным что не сработает, и из-за этого его слова усилили эффект полного непонимания, и Артуру пришлось поверить в это что бы не ломать извилины разума. С того момента как упал последний лист, окно сделалось чище, а тиканье тише. Эдгар вкушал тиканье часов и наслаждался молчанием Артура. Ответ видимо ему не нужен, он продолжил говорить такой уверенной непонятностью:

– Мёртвые деревья мне всегда казались чем-то на порядок лучше живых... До сих пор не пойму, чем...

Артур хотел было что-то ответить, впервые за столько времени нашёлся тот, кто его понял. Ну, зачем только говорить с ним, ведь Эдгар скажет только то что Артур и так знает. О потом Эдгар сообщил:

– Может выпьем чаю?

Сухость в горле, вот что мешало говорить Артуру, и он ответил:

– Давай...

Они спустились, в углу сидела одинокая Джесси, похоже решила скопировать характер Артура. Эдгар налил чай в синюю кружечку и дал печенье Артуру. Когда Артур начал жадно отламывать куски печенья – Эдгар промолвил:

– Ты хочешь родителей?

Артур перестал жевать, запил чаем. Артур вспомнил тот рисунок Джесси, где была изображена семья. Сам родителей он хотел и не хотел одновременно. В одиночестве никому не показалось бы странным что Артур смотрит на страшные деревья. А в кругу родителей сразу начнутся бесящие допросы, но даже они являются каким-то вниманием. Всё же это внимание будет на порядок лучше, или допросов вообще не будет, а будут нормальные разговоры со смыслом. А родителей Артур хотел потому что надо было понять какого это – любить и быть любимым. Можно было попробовать из-за того факта что смотреть на дерево уже наскучило Артуру за несколько лет. Артур ещё несколько минут прибыл в молчаливом состоянии, привычном для него. Затем запил чаю, увлажнив горло, и сказал:

– Да...

Артур сам не до конца уверен, что сказал это слово «Да». -Хорошо, скоро ты заживёшь новой жизнью! Эдгар и Хелен подписали все нужные документы. Воспитательница странно улыбалась Артуру. Сперва ему показалось что она рада избавлению пусть даже самого тихого спиногрыза. Но потом он понял, что это радость за чужую радость. Такая заразная оказывается эта радость. Так почему никто не радуется если эта радость заразна, все бы тогда радовались. Артур гладил белого медвежонка, ленточку медведя он заплёл в красивый бантик. Артур собирал одежду, в этот момент вошёл Эдгар с Хелен.

– Не надо! Мальчик наш! – Говорила Хелен и плавно жестикулировала рукой. – Одежда у нас есть для тебя...

– В нашем доме много чего есть, – Начал дополнять Эдгар, когда понял молчаливый намёк Хелен продолжить разговор. – и одежда...

Он смотрел на Артура, старался свести свои руки пониже к полу.

– И еда... – Продолжал Эдгар. – И игрушки... Эдгар хотел закончить этот странный диалог, но Хелен словив его на последнем слове, сама произнесла мягким голосом:

– Тебе больше не придётся скучать здесь, в этом скучном месте...

Джесси подслушивала их разговор, она этому научилась у Артура. Слёзы начали катиться на её глазах, после окончания слов Хелен. Во время этих слов Джесси больше чувствовала злобу, а сейчас молчание выедало надежду на отрицание поездки Артура к новым родителям. Джесси убежала, закрывая лицо бледными руками. А Артур ждал подходящего момента согласия на волшебную жизнь. Больше ему не придётся голодать и скучать в холоде и темноте, только радость, только сытая жизнь. Возможно он и страдал все эти 12 лет ради этого переезда, и теперь его уже ничто не держало, вернее и до этого не держало. Артур подошёл и обнял Эдгара с Хелен, они обняли его в ответ.

– Мы будем любить тебя всегда... – Сказали они хором, точно читали мысли друг друга. Артур шёл к выходу, в последний раз он находится в детдоме. Сломанные потолки и разорванные обои попрощались с ним. Хелен Эдгар и Артур остановились возле автомобиля. Не сказать, что он дорогой, эта обычная добротная машина, готовая прослужить ещё много лет. Радость у Артура вызвал прокат на автомобиле. После сидячего образа жизни Артур готов прокатиться на металлическом звере, слыша рёв ветра.

– Артур, – произнёс Эдгар, когда они сели в автомобиль. – какое твоё любимое занятие? Артур зажевал губы, думал, как правильно объяснить то что он почти всё время смотрит на дерево, решил долго не молчать, а сказать, как получится:

– Рисовать люблю, со своей подружкой Джесси обожаю играть, и...

Он замолк. В голову не пришло как это преподнести, а нечёткая речь давала ещё больше поводов для паники. У Артура появилось дрожь в коленях, пока слабая, с каждой секундой она усиливалась.

– На мёртвое дерево смотрю в остальное время... – Сказал он и желал поскорее закончить этот диалог.

Эдгар молчал, думал о своём походе, спрашивал о занятиях Артура из-за чистой вежливости, хотя что есть чистая вежливость, грязная она если Эдгар во время этих слов обдумывал другие дела. Артур стал наблюдать за домами и магазинами. Они двигались с быстрой скоростью, так что их нельзя было заметить. Артур представлял себе, что за детдомом есть строения, только он не думал о вариантах этих домов. В его голове это больше походило на симметричные изображения домов в городе, с деревьями имеющие жёлтые листья, а в середине города находится детдом с мёртвым деревом. Скорость замедлилась. Артур взглянул вперёд, образовалась пробка на перекрёстке. Бибиканье, шум ветра, разговоры прохожих, Артур оживлённо наблюдал за всеми изменениями вокруг себя. Он готов проторчать в пробке несколько часов, лишь бы в округе происходило что-то интересное. Мясник прогонял кота, уносившего рыбу. Высокая дама на розовых каблучках гонялась за пожилым мужчиной, этот мужчина убегал от неё и держал в своих больших руках розовую сумочку для коротышек. Ветер унёс у старика газету, он показал ветру свой кулак, угрожающе закусил губу и ушёл, яростно притоптывая. Разговоры не мелодичные, они скорее похожи на визги и крики, но тем не менее такое было даже интереснее. Когда неполная гармония становится скучно, а если хаос полный – то хотя бы интересно становится жить, пусть и боязливо. Так в пробке они стояли ещё долго, частота бибиканий и криков усилилось. Хелен смотрела вперёд, но не было понятно куда именно, она улыбалась. Эдгар закрыл глаза, положил на её колено свою длинную руку. Она посмотрела на него. Эдгар начал немного смеиваться, специально тихо, чтобы привлечь внимание. Ему пришлось положить руку обратно на руль, медленное движение машин вперёд – началось. Дома постепенно заканчивались, на их смену пришёл лес. Деревья покрывала оранжевая и жёлтая листва. Птицы пели. Иногда были видны всё ещё зелёные листья. Дорога была ровная, гладкая. По этой дороге всё быстрее развивалась скорость. Ехать по ней можно было вечно. Над этой дорогой виднелось синее небо, не часто облака закрывали солнышко, но оно светило. Было не жарко, так как ветер освежал автомобиль через окошко. Деревья постепенно становились более старыми. С каждым метром листва уменьшалась в объёме. Теперь это уже не были пышные деревья, это были увядшие старые деревушки с дырявыми листиками, их ветки тянулись к рыхлой земле. Автомобиль уменьшил скорость, стал теперь иногда подпрыгивать из-за ям в асфальте. Пение птиц не было слышно. Деревья в этой местности были высокими, большими, без листвы. Их острые коряги, умеющие протыкать человека насквозь, заставляли Артура отвернуться и смотреть в левое окно. Там были такие же страшные деревья. Артуру казалось, что в их дупле есть глаз, который видит всё. Артур лишь хотел поскорее попасть домой к своим новым родителям. Но скорость замедлялась, пока не остановилась на отметке 35 км/ч. Деревья стало слишком хорошо видно, эти мёртвые растения были везде, лишь на поломанной асфальтированной дороге их не было. Иногда приходилось объезжать слишком глубокие ямы в асфальте. Этот асфальт стал похож на раздробленные камни, с промежуточными ямками между ними. Солнца не виднелось. Туман рассеялся по всей местности, но несмотря на это – мёртвые деревья всё ещё видны. Кладбище деревьев не имело ни каких обитателей, пусть возле дороги и встречались знаки с оленями. Эдгар и Хелен всё не решались разбавить тишину своими бессмысленными разговорами. Слышались только жадные вдохи

и выдохни, ведь эти деревья не производили кислорода. Одно дерево было похоже чем-то на дракона, другое на монстра, для Артура они все были одинаково жуткими. Он попытался отвлечь себя от страха разговором с новыми родителями.

– Что это за лес? – Поинтересовался Артур, в его голосе слышны нотки волнительности.

– Мы зовём его мёртвый лес... – Закончила своё предложение Хелен – так что не хотела его заканчивать всю жизнь.

– Почему вы его так зовёте? – Снова спросил Артур, на этот раз с детской наивностью в голосе.

– Он состоит из мёртвых деревьев! – Саркастично подметил Эдгар. Артур больше не знал о чём спрашивать, оставалось закрыть глаза.

– Открой глаза, Артур! – Внезапно сказала Хелен, когда посмотрела на зеркало в машине.

– Я не хочу... – Сказал Артур. Хелен перестала улыбаться. Туман ушёл, он оголил дорогу с гигантскими трещинами. Вокруг было рыхлая земля, а из неё торчали деревяшки, без листьев без души.

– Всегда смотри в глаза деревьям... – Тихо пробормотала она про себя, и продолжала смотреть вперёд.

– Разве у деревьев есть глаза? – Испугано спросил Артур.

– Деревья живые, – логично говорил Эдгар. – значит они видят этот мир!

– Но, – возразил Артур. – здесь находятся только мёртвые деревья... Хелен произнесла:

– У умершего человека остаются глаза, просто он ими не пользуется больше... После этой фразы она принялась омрачено смотреть вниз. Артур решил ещё о чём-нибудь поговорить, а родители постоянно молчали, он сам их спросил:

– Долго мы тут будем ехать?

– А тебе страшно? – Спросила Хелен, и повернулась к Артуру. Артур вздрогнул. Она несколько секунд ждала ответа, затем неожиданно продолжила разговаривать.

– Ты ведь сам говорил, что в свободное время смотришь на мёртвое дерево... Артур попытался переключиться на другую тему:

– А почему вы решили взять именно меня?

Хелен стала опять смотреть вперёд, дорога стала уже ровнее. Скорость автомобиля росла.

– Потому что не любим легкомысленных болтунов и прочих балбесов... – Грозно сказала Хелен.

Артур хотел было пошутить, но у его языка имелись другие планы. Они ехали около полу часа спокойно, но потом начали волноваться. Вдали показался большой особняк, по цвету будто был сделан из этих мёртвых деревьев. Окна красовались с чёрной готической решёткой, двери большие, величественные. Эдгар аккуратно припарковал машину на гладкой земле. Они вышли. Артур стал полегоньку ступать по тёмной земле.

– Этот дом достался от наших стариков, – начал рассказывать Эдгар, поставив руки на пояс. – умерли они от болезней, нам этот дом достался в юношеском возрасте...

– А вы тут вместе с детства жили? – Озадаченно спросил Артур.

– Да, – подтвердил Эдгар. – две наши семьи жили здесь вместе, а потом... – Он положил руку на голову Артуру. – Не хочу говорить тебе что произошло дальше...

– Мне нравится этот дом! – Промолвил радостно Артур. – Теперь мы будем жить счастливо!

Уютный домик.

Когда они зашли в дом – то перед ними престала гостиная. Посреди комнаты стоял чёрный стол, его окружали чёрные стулья. Эти стулья изогнуты и выполнены в готическом стиле. Обои красные и матовые. Над столом висела и слегка покачивалась одинокая люстра. Артур разглядел хрустальную посуду, стоящую на полках шкафа. Посуда сверкала от света люстры.

Звенела тишина. Звуки шагов беспокоили слух. Пол деревянный и тёмный. В углу стояло растение, с зелёным шипастым стеблем, и красным цветком. Когда Хелен сняла куртку то подошла к цветку и полила его прозрачной водой из кувшина. На лепестках цветка сияли капли воды. Цветок покачался, наверное в знак благодарности.

– Ну, снимай куртку! – Игриво произнёс Эдгар Артуру, снимая пальто. Артур стал молча снимать верхнюю одежду. Он медленно смотрел на люстру, и на его глазах выступали блики. Капля упала с лепестка цветка. Помещение было прохладным, но морозно в нём не было. Дерево пропускало ветер. Он казался сильным и приносил кислород из того дальнего леса, где росли деревья с листвой. Артур слегка улыбаясь, ждал – когда ему предложат отведать чего-нибудь вкусного или поиграют с ним. Пока Эдгар лишь подошёл к Хелен, обнял её, она продолжала гладить тёмно-зелёные шелковистые лепестки цветка. Потом всё же она повернулась и спросила Артура:

– Что же ты будешь кушать? Несколько секунд спустя видимо сказала мысль вслух:

– Сын мой...

Она стояла, сложив руки в замок, вглядывалась выпученными глазами на Артура. Артур не смог посмотреть на неё в ответ, на воспитательницу мог, на новую мать – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.